

Научная статья
УДК: 343.1
DOI: 10.47475/2311-696X-2024-40-1-84-92

С. 84–92

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ДОКАЗЫВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ОТ НАЧАЛА ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА I ДО НАШИХ ДНЕЙ

Никита Иванович Зайцев

Российский новый университет, Москва, Россия
leikozit@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается развитие отечественного уголовного судопроизводства при становлении в Российской Империи абсолютизма в XVIII веке до современного демократичного Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации XXI века. Автором указывается, что в период главенства дворянства, как господствующего класса, доказательства делились на совершенные и несовершенные в зависимости от сословного статуса участника уголовного судопроизводства. Раскрыты «застойные» периоды в отечественном судопроизводстве, когда в борьбе за власть, в череде дворцовых переворотов какого-либо развития законодательства в сфере уголовного процесса не наблюдалось. Приведён закономерный итог, к которому пришло Российское государство в первой трети XIX века, когда даже стараниями великого кодификатора и создателя «Свода законов Российской Империи» М. М. Сперанского не удалось привести запутанное и проникнутое феодальными правоотношениями законодательство в соответствие требованиям народившихся капиталистических правоотношений. Выделен отправной момент, когда высшее руководство Империей осознало необходимость реформ и провело их в 1864 году под руководством Александра II. Затронуты тектонические изменения в государственном устройстве, связанные с переходом власти к большевистскому правительству, и перечислены основные новеллы в уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР. Приведены современные доказательства и ныне существующий процесс доказывания.

Ключевые слова: эволюция, доказательства, доказывание, уголовный процесс, периодизация доказывания, источники доказательственного права, Свод законов Российской Империи, судебные уставы, УПК РСФСР 1923 года

Для цитирования: Зайцев Н. И. История становления доказательств и доказывания в отечественном уголовном судопроизводстве от начала правления Петра I до наших дней // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 84–92. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-40-1-84-92

Research article

THE HISTORY OF ESTABLISHMENT OF EVIDENCE AND EVIDENCE IN DOMESTIC CRIMINAL PROCEEDINGS FROM THE BEGINNING OF THE REIGN OF PETER I TO THE PRESENT DAY

Nikita I. Zaytsev

Russian New University, Moscow, Russia
leikozit@rambler.ru

Abstract. The article examines the development of domestic criminal justice during the formation of absolutism in the Russian Empire in the XVIII century to the modern democratic Criminal Procedure Code of the Russian Federation of the XXI century. The author points out that during the period of the supremacy of the nobility, as the ruling class, evidence was divided into perfect and imperfect, depending on the class status of a participant in criminal proceedings. The “stagnant” periods in domestic legal proceedings have been revealed, when in the struggle for power, in a series of palace coups, there was no development of legislation in the field of criminal procedure. A logical result is given, to which the Russian state came in the first third of the XIX century, when even through the efforts of the great codifier and creator of the “Code of Laws of the Russian Empire” M. M. Speransky, it was not possible to bring the confusing and imbued with feudal legal relations legislation into line with the requirements of the established capitalist legal relations. The starting point is highlighted when the top leadership

of the Empire realized the need for reforms and carried them out in 1864 under the leadership of Alexander II. The tectonic changes in the state structure associated with the transition of power to the Bolshevik government are touched upon, and the main novelties in the criminal procedure legislation of the RSFSR are listed. Modern evidence and the current proof process are presented.

Keywords: evolution, evidence, proof, criminal procedure, periodization of evidence, sources of evidentiary law, Code of Laws of the Russian Empire, Judicial Statutes, Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1923

For citation: Zaytsev NI. The history of establishment of evidence and evidence in domestic criminal proceedings from the beginning of the reign of Peter I to the present day. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(1):84-92. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-40-1-84-92 (In Russ.)

Введение

Невозможно точно прогнозировать движение, направление отечественного уголовного судопроизводства, не выстроив чёткой, однозначной хронологии его поэтапного, поступательного развития от времён глубокой древности до сегодняшнего дня. То, как современники Екатерины II Великой, Александра II Освободителя, Владимира Ильича Ленина в далёком и не очень прошлом видели и видят процесс доказывания, представляет для нас не только исторический, но и сугубо научно-практический интерес. Так, изучая доказательства, их виды, классификацию, постепенное преобразование из архаичного набора выработанных практикой предметов, документов, сведений, результатов каких-либо процессов (к примеру, поединка) в структурированную систему со своими правилами, касающимися относимости, допустимости, достаточности и достоверности, можно понять суть доказательств, расшифровать их «генетический код», который в основной своей массе един. Источники доказательств адаптируются к каждому историческому периоду и уровню технического, экономического развития, трансформируются виды доказательств, не претерпевает изменений только их предназначение. По сути, не важно, будем ли мы разбирать такое доказательство, как «повальный обыск» (опрос людей, проживающих рядом с обвиняемым), которое вышло из употребления к началу XX века, или «онлайн-обыск», который ещё не введён в отечественное уголовно-процессуальное законодательство, но настоятельно требует своего нормативного закрепления в условиях полного погружения человечества в цифровую эпоху, — главное это то, что цель любого доказательства — приближение к установлению истины по уголовному делу, к приоткрыванию завесы тайны, неопределённости, которой окутано каждое преступление. Сегодня в указанной деятельности лицам, осуществляющим предварительное расследование, должны прийти на помощь современные технологии, предоставляющие возможность производства по уголовным делам в электронном формате [9].

Ранее же в ходе расследования уголовного дела что перед следователем, служившим в РСФСР, что перед судебным следователем времён правления

Александра II, стояли абсолютно одинаковые задачи — в процессе доказывания собрать доказательства, проверить, оценить их, принять решение о прекращении уголовного дела или о его дальнейшей передаче в прокуратуру, суд для рассмотрения по существу и вынесения решения. В этой связи невозможно эффективно противодействовать преступности, не понимая сути доказательств и доказывания. Только для того, чтобы разобрать доказательства на составные части, необходимо их изучить, а изучение следует начать с момента их возникновения в документальных источниках. Эволюция доказательств и доказывания в отечественном уголовном процессе, начиная с эпохи Древней Руси и до Уложения царя Алексея Михайловича 1649 года, уже рассмотрена автором [4]. В настоящей работе поставлена задача изучить развитие доказательств и доказывания от Петра I до настоящего времени.

Описание исследования

Так, в части уголовного процесса период правления Петра I опирается на Уложение 1649 года, примером чему служит Указ от 15.06.1714, в котором предписано «всякого чина судиям всякие дела делать и вершить все по Уложению»¹. Тем не менее, обвинительный (состязательный) процесс уходит в небытие, остался только розыск [12, с. 709]. Выразителем нового порядка стало изданное в 1716 году «Краткое изображение процессов», являющееся приложением к «Воинскому уставу».

Данный корпус норм уголовно-процессуального права разделил все доказательства на совершенные и несовершенные, при этом за каким-либо видом доказательства не закреплено свойств, делающих его совершенным. Следовательно, любое доказательство может быть совершенным в случае соблюдения условий, имеющих место быть в законе. В противном случае доказательство становится несовершенным.

Уголовно-процессуальное законодательство времён Петра I знает четыре вида доказательств (ст. 6 «Краткого изображения процессов» «О доказании»):

¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. V. № 2828. С. 116.

1. Своевольное признание.
2. Свидетельские показания.
3. Письменные доводы.
4. Присяга.

Наиболее «ценным» доказательством выступало признание своей вины обвиняемым. При этом, совершенным оно могло считаться, когда признание дано добровольно с подробным и достоверным изложением обстоятельств преступного деяния. Для получения добровольного признания не запрещалось применение расспроса с пристрастием и пытки. Пытка могла применяться в отношении любого лица, за исключением «шляхты, служителей высоких чинов, старых семидесяти лет, недорослей и беременных жен». Обвинение в преступлении против государственной власти и в убийстве при наличии весомых доказательств разрешало пытаться любого человека (ст. 10 «Краткого изображения процессов») [12, с. 711].

Свидетельские показания могут иметь разную юридическую силу в зависимости от того, кто их даёт. Так, «негодные» и «презираемые» люди (клятвопреступники, отлучённые от церкви, разбойники, воры и т. д.) исключались из числа лиц, имеющих право давать свидетельские показания (ст. 2 «Краткого изображения процессов» о свидетелях). При противоположности показаний свидетелей приоритет отдавался показаниям «лучших» людей. Критерии «лучшего» человека определялись в ст. 13 «Краткого изображения процессов»: показания мужчины предпочтительнее показаний женщины, знатного человека — худородного, учёного — безграмотного. При этом, если свидетель не мог сообщить источник своей осведомлённости, а ссылался на слухи, то такие доказательства признавались недопустимыми.

В качестве письменных доводов впервые применяются заключения экспертов. При расследовании дел, связанных с убийством, обязательным условием является установление лекарем, выполняющим роль судебного эксперта в XVIII веке, причины смерти лица.

Последним отголоском состязательного процесса, его тенью, осталась очистительная присяга. Данный вид доказательства имел наименьшую юридическую силу при доказывании по уголовным делам. Он мог быть применён только тогда, когда не было никаких иных улик в отношении обвиняемого (ст. 9 «Краткого изображения процессов»).

Как ни парадоксально, но бурная законодательская деятельность первого Российского императора не получила своего закрепления в каком-то кодифицированном сборнике законов. Последующие правители Российской Империи мало интересовались составлением единого, непротиворечивого и отвечающего требованиям складывающихся капиталистических отношений свода законов. Их больше занимали интриги и борьба за власть,

в связи с чем период правления от Екатерины I до Александра I вполне заслуженно наречён «Эпохой дворцовых переворотов».

Нами не будет рассматриваться «Наказ» Екатерины II 1767 года, так как он не является официальным документом Российской Империи, а представляет собой сборник пышных фраз о благих намерениях, так и не претворённых в жизнь.

Нежелание правителей Российской Империи уделять внимание реформированию отечественного законодательства привело к тому, что XIX век был встречен Российским государством с кодексом XVII века — Уложением 1649 года, к которому присовокуплялось огромное количество императорских указов, подчас полностью противоречащих друг другу и, в конце концов, приведших к полному коллапсу правовой системы. Чиновники и судьи применяли те положения, которые были им выгодны в каждом конкретном случае, формально не нарушая законов Империи. В государстве остро встал вопрос скорейшей кодификации всех отраслей права и удаления из них архаичных и противоречивых положений.

Человеком, способным организовать столь титаническую работу, был М. М. Сперанский, возвращённый Николаем I по этому поводу из ссылки, куда он был отправлен за организацию либерального кружка. Результатом работы М. М. Сперанского и привлечённых им правоведов стало издание в 1832 году свода законов Российской Империи.

Свод законов Российской Империи наконец-то систематизировал всё Российское законодательство по отраслям права, отменив действие Уложения 1649 года, что стало «глотком свежего воздуха» для правовой системы Российской Империи. Уголовному праву и процессу посвящена XV глава свода «Законы Уголовные» [12, с. 733].

Однако в системе доказательств, по сути, мало что изменилось. Несмотря на появление предварительного следствия, оно носило формальный инквизиционный характер. Доказательством, имеющим наивысшую юридическую силу, считалось собственное признание обвиняемого. Хотя пристрастные допросы, истязания и мучения для получения признания были запрещены «бывали случаи добывания его истязаниями и приемами замаскированной пытки» [5, с. 5].

Все доказательства чётко делятся на совершенные и несовершенные (ст. 304). Под совершенными подразумеваются те, которые однозначно указывают на виновность лица, обвиняемого в совершении преступления (ст. 305), ими выступают:

1. Собственное признание (ст. 316), признаваемое имеющим наивысшую юридическую силу.
2. Письменное доказательство, признанное лицом, в отношении которого оно предъявлено (ст. 324).
3. Личный осмотр (ст. 327).

4. Свидетельство сведущих людей (ст. 328), то есть, говоря современным языком, заключение специалиста или эксперта. Единственная категория такого рода людей, чьи свидетельства признавались в Своде законов Российской Империи 1832 года, — служащие медицинских учреждений.

5. Непротиворечивые, подтверждающие друг друга показания не менее двух свидетелей, которых не смог отвести обвиняемый и показания которых он не смог аргументированно опровергнуть (ст. 329). При этом, для осуждения достаточно одного совершенного доказательств (ст. 306).

Относительно показаний свидетелей следует пояснить, что вводились категории лиц, чьи показания априори признавались недопустимыми, в связи с чем они были, по сути, отстранены от дачи свидетельских показаний. Ими являлись: дети до 15 лет, прелюбодеи, лица, лишённые чести, раскольники — при обвинении православного, и т. д. Также к недопустимым относились показания, данные без присяги.

Доказательственная весомость показаний зависела от социального статуса лица: показания мужчины имели приоритет перед показаниями женщины, дворянина — перед человеком неблагородного происхождения, лица, облачённого духовным саном — перед светским лицом, и т. д. Как мы можем заметить, в части свидетельских показаний, явственно видна преемственность Петровских нововведений в уголовное судопроизводство Империи.

К несовершенным доказательствам законодатель отнёс те, которые не могут однозначно подтвердить вину подсудимого, то есть оставляют поле для сомнений (ст. 307). К ним относятся:

1. Признание обвиняемым своей вины вне суда, факт которого могут подтвердить свидетели.

2. Оговор обвиняемым иных лиц (ст. 336).

3. Повальный обыск (ст. 339). Что интересно, данное доказательство, выраженное в опросе большого количества жителей той местности, где живёт обвиняемый о характерных чертах его личности и поведения, ввиду его практической пользы и простоты в исполнении известно ещё со времён Судебника 1497 года и плавно перетекло в уголовно-процессуальное законодательство первой трети XIX века.

4. Свидетельские показания одного человека о конкретном обстоятельстве совершённого преступления (ст. 330).

5. Улики или признаки совершения преступления (ст. 341). Данный вид несовершенного доказательства может только инициировать, возбуждать подозрение в совершении преступления, но сам по себе, в отсутствие других доказательств, он не может быть положен в основу решения суда по уголовному делу. Для признания такого рода доказательств достаточными при вынесении

решения о виновности лица необходима их совокупность (ст. 308) [12, с. 740, 741].

Как мы можем констатировать, огромная кодификационная работа, проведённая в начале XIX века и нашедшая своё отражение в Своде законов Российской Империи 1832 года, даже на момент своего завершения и опубликования не отвечала требованиям складывающихся капиталистических классов, так как была полностью пронизана сословными и феодально-дворянскими охранительными нормами, оставляющими подавляющую массу населения Империи на уровне бесправной и закабалённой массы.

Капиталистические отношения заняли господствующее положение в наиболее развитых и цивилизованных странах на Земле. Следствиями развития этих отношений стали качественный и количественный рост промышленности, науки, образования, вооружённых сил, реформирование судебной системы, отмена сословных ограничений, и в то же самое время острая борьба за источники ресурсов и рынки сбыта, финансовое закабаление и экономическое подавление менее развитых государств. Печальный опыт Индии, Китая и других древних, богатых, но остановивших свой уровень развития на докапиталистических началах государственных образований, ставших колониями, ясно показывал направление, в котором необходимо двигаться. И чем раньше государство брало курс на построение капиталистических отношений, тем больше становился шанс стать самостоятельным субъектом международной политики и повысить благосостояние своих граждан за счёт подданных менее прозорливых правителей.

Правители Российской Империи осознавали всю опасность сохранения феодальных отношений, сословного разделения общества в XIX веке, но никаких действенных мер не предпринимали. Для отрезвления понадобилось крайне чувствительное поражение в Крымской войне и волна крестьянских бунтов по всей стране [12, с. 749]. На таком неблагоприятном фоне рушащегося под закоснелыми экономическими отношениями государственного здания и началась подготовка либеральных реформ Александра II. Историки по-разному оценивают их итоги, называя «половинчатыми», однако судебная реформа, окончившаяся изданием 20.11.1864 «Судебных уставов», считается наиболее последовательной и завершённой [10, с. 62]. Одним из примеров, к которому обращался законодатель для составления «Судебных уставов» был Французский кодекс 1808 года [12, с. 780].

«Судебные уставы» имеют в своём составе четыре закона: «Учреждение судебных установлений», «Устав уголовного судопроизводства», «Устав гражданского судопроизводства», «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» [12, с. 752]. На смену формальному делению доказательств

на совершенные и несовершеннолетние, имевшему место быть в Своде законов Российской Империи 1832 года, пришла свободная оценка доказательств, основанная на внутреннем убеждении судей в достаточности собранных по делу доказательств [3, с. 62].

В процессе доказывания была уничтожена монополия розыска, процесс стал смешанным, основанным на континентальной системе права [1, с. 30]. Сохранялось предварительное следствие, дознание, однако появилась должность судебного следователя, находящегося в подчинении окружного суда, а не прокуратуры, полиции или жандармского ведомства. Судебный следователь олицетворял собой противопоставление судебной и административной власти [12, с. 782].

Доказывание осуществлялось путём производства следственных действий. Доказательства были те же, что и в Своде законов Российской Империи 1832 года [6, с. 210]:

1. Протоколы осмотра следов преступления.
2. Протоколы осмотра вещественных доказательств.
3. Протоколы осмотра письменных документов.
4. Освидетельствование.
5. Показания обвиняемого и свидетеля.
6. Производство очных ставок.
7. Производство повального обыска.
8. Получение заключения сведущих людей.

Перечень следственных действий, производимых органом дознания — полицией, пополнился обысками [12, с. 777] в современном их понимании.

Таким образом, «Судебные уставы» 1864 года были компромиссной попыткой установить буржуазную судебную систему в самодержавной стране. В итоге данная система неизбежно вступила в противоречие с существующим государственным укладом, следствием чего стали разнообразные изъятия из неё в угоду сохранения абсолютной монархии, сделанные последователями императора-реформатора, не успевшего по причине его убийства окончить начатые преобразования.

В таком виде с небольшими изменениями, связанными с реакцией Александра III и Николая II, уголовный процесс, а также неотделимые от него процесс доказывания и доказательства дошли до времени слома эпох, когда на смену буржуазному Временному правительству пришла новая социалистическая власть. Ей требовалось новое законодательство, так как в государстве, основанном на диктатуре пролетариата, по умолчанию, не могут действовать капиталистические правовые институты.

Последовавшие «смутные» годы периода становления Советского государства характерны не столько реформаторской деятельностью по внедрению новых основ уголовного судопроизводства, сколько революционными порывами в деле доказывания вины либо невиновности человека.

Несмотря на издание Советом народных комиссаров 24.11.1917 Декрета № 1 «О суде», в период с 1917 года по 1922 годы при вынесении решения о виновности или невиновности лица в совершении преступления суды опирались не только на доказательства, предусмотренные нормами царского законодательства, которое продолжало применяться за неимением нового, но и на рабоче-крестьянское правосознание работников суда [1, с. 36].

Сбросив иго иностранных интервентов, а также победив в Гражданской войне, Советское правительство незамедлительно приступило к созданию и кодификации всего корпуса отечественного законодательства. Не остался в стороне и уголовный процесс, результатом чего стало принятие ВЦИКом 25.05.1922 первого Уголовно-процессуального кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики [1, с. 39] (далее — УПК РСФСР). Правда, ввиду поспешности при его утверждении и обнаруженных впоследствии недочётов, ВЦИК 15.02.1923 утвердил новый УПК РСФСР, который, по сути, являлся редакцией кодекса 25.05.1922. Новый процессуальный кодекс, по которому отныне велось расследование уголовных дел, и заложенные в него принципы были поистине революционным по сравнению с ранее применявшимися в Российской Империи «Судебными уставами» 1864 года.

В целом наиболее полно о доказательствах и процессе доказывания описано в ст. 57, 58 и 319 УПК РСФСР 1923 года.

Из анализа ст. 57 УПК РСФСР можно прийти к выводу, что ни одно формальное доказательство не может повлиять на решение суда или каким-либо иным образом ограничить его решение. Суды по своему усмотрению, исходя из обстоятельств конкретного уголовного дела, признают доказательства допустимыми или нет, также они вправе требовать доказательства от иных лиц, для которых указанное требование является обязательным [10, с. 68]. Присяга, как вид доказательства, была полностью исключена. Ссылаться на неё в процессе доказывания стало невозможно [1, с. 39].

Положениями ст. 58 УПК РСФСР установлены виды доказательств: показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров, иные письменные документы и личные объяснения обвиняемого [10, с. 71].

По итогу изучения всех представленных доказательств, суд, как это указано в ст. 319 УПК РСФСР, принимает решение, опираясь исключительно на имеющиеся в уголовном деле данные. Основывается он при этом на своём внутреннем убеждении, которое, тем не менее, должно быть подкреплено совокупностью установленных обстоятельств. То есть, суд не мог при вынесении решения ссылаться только на ряд выбранных им доказательств, игнорируя все остальные. В данном случае

внутреннее убеждение работника суда не должно вступать в противоречие с имеющими место быть фактами. Оно может быть применено тогда, когда в деле присутствуют противоположные доказательства, могущие как оправдать подсудимого, так и признать его виновным. При наличии такой дилеммы всё как раз и решает внутреннее убеждение лица, осуществляющего правосудие.

УПК РСФСР 1923 года был довольно либерален и не содержал в себе никаких репрессивных мер. Обусловлено это было тем, что он создавался в период проведения Всесоюзной коммунистической партией (большевиков) новой экономической политики, направленной на перевод всего государственного устройства с военного коммунизма на «рельсы» отношений, предусматривающих наличие рыночной экономики, малого и среднего предпринимательства, получивших название — новая экономическая политика (далее — НЭП).

В 1958 году законодательно введены «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» [10, с. 76].

После этого 27.10.1960 принят УПК РСФСР, отменивший наиболее репрессивные положения, изданные с 1937 года. В дальнейшем данный кодекс пополнялся статьями, вводящими новые доказательства ввиду неостановимости научно-технического прогресса и необходимости использования его результатов в сфере борьбы с преступностью, к примеру: ст. 35 «Прослушивание телефонных и иных переговоров».

Именно на период введения УПК РСФСР 1960 года пришлось научно-техническая революция (далее — НТР), не воспользоваться плодами которой для нужд правосудия было невозможно. Вполне естественно, что результаты научно-технического прогресса первым делом затронули криминалистику, были ею апробированы и применены при производстве предварительного расследования. Поэтому, как справедливо заметил Л. Д. Кокорев, «первыми работами, появившимися в связи с развитием научно-технических достижений, имевших отношение к судопроизводству, были разнообразные публикации о применении новых технических средств в криминалистике» [7, с. 140]. Этот массив публикаций, содержащих сведения о том, какие достижения в области техники, связанные с НТР, и каким образом могут быть применены для раскрытия преступлений, и привёл учёных-процессуалистов к выводам, что результаты прогресса могут и должны быть зафиксированы в уголовно-процессуальном законодательстве и использованы в процессе доказывания при производстве предварительного расследования.

Первым видом доказательств, который вобрал в себя достижения НТР в области техники, стала судебная экспертиза. Данный факт не вызывает никаких вопросов, так как криминалистика

неотделима от экспертной деятельности, а первой навстречу научно-техническому прогрессу, как мы говорили выше, шагнула именно она. Таким образом, благодаря внедрению результатов прогресса роль криминалистической техники и проводимых в рамках назначаемых экспертиз исследований выросла крайне сильно, позволив лицам, осуществляющим предварительное расследование, и судам овладеть новыми способами выявления и документирования доказательств. Советское руководство осознавало всю важность внедрения результатов научно-технического прогресса в процесс доказывания, в связи с чем были изданы постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10.12.1965 «О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и охраны общественного порядка» и от 30.07.1970 «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов»¹.

Советской наукой применение в процессе доказывания результатов научно-технического прогресса рассматривалось в разных аспектах. Наиболее точно они разграничены у П. С. Элькинд: «а) на имеющие форму уголовно-судебных доказательств, содержащих информацию о существенных обстоятельствах уголовного дела, б) на используемые для составления уголовно-процессуальных актов и в) на применяемые при производстве следственных и судебных действий в целях обнаружения, закрепления, проверки и исследования уголовно-судебных доказательств» [14]. С целью повышения организации и культуры труда, снижения временных затрат на производство процессуальных действий и их оформление в судопроизводстве периода функционирования СССР вводились передовые технические средства звукозаписи, стенографии, машинописи. Относительно внедрения в процесс доказывания результатов использования такого спорного, но довольно прогрессивного средства, как полиграф, скажем, что «по единодушному мнению советских процессуалистов, результаты применения полиграфа в настоящее время не могут рассматриваться в качестве процессуального доказательства» [7, с. 140].

Ещё одной «острой» темой, связанной с применением достижений НТР в части создания прибора, консервирующего запах человека, и обсуждавшейся советскими учёными-процессуалистами, было введение нового вида доказательства — справки проводника собаки, опознавшей человека по запаху, хранящемуся в ёмкости, содержащей молекулы запаха человека. Указанная справка должна признаваться документом, предусмотренным ст. 88 УПК РСФСР. Такой позиции придерживались В. Безруков, А. Винберг, М. Майоров, Р. Тодоров [2]. Оппозицию им составляли М. С. Строгович [11], В. И. Шиканов, А. Н. Копьева,

¹ Советская прокуратура : Сборник важнейших документов. Москва : Юрид. лит., 1972. С. 343–349, 380–381.

В. С. Абраменкова [13], которые «обратили внимание на то, что использование в судопроизводстве подобных «доказательств» не соответствовало бы предписаниям закона о видах доказательств и потому в настоящее время не допустимо» [7, с. 140]. Как мы можем резюмировать с позиции сегодняшнего дня, спор, начатый ещё в 1960-е годы о допустимости применения в качестве доказательств результатов полиграфического и одорологического исследований, основанных на достижениях научно-технического прогресса, не утихает до сих пор. Последствия их внедрения будут иметь кардинальное значение и перевернут современную систему доказывания, поэтому законодатель не торопится с их введением в корпус норм, устанавливающих доказательства, до того момента, пока мнение научного сообщества не будет однозначным.

УПК РСФСР 1960 года просуществовал дольше, чем государство, его породившее, и окончательно утратил силу лишь в 2001 году с принятием Федерального закона от 18.12.2001 № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹. Причиной столь долгого существования в современном отечественном уголовном судопроизводстве кодекса, регулировавшего судопроизводство в РСФСР, стала неожиданная смена государственного строя целой страны, заранее подготовить законодательную основу к которому было невозможно.

В современном отечественном Уголовно-процессуальном кодексе процесс доказывания установлен главой 11 и имеет состязательное начало, а доказательства перечислены в ч. 2 ст. 74, к ним относятся:

- 1) показания подозреваемого, обвиняемого;
- 2) показания потерпевшего, свидетеля;
- 3) заключение и показания эксперта;
- 4) заключение и показания специалиста;
- 5) вещественные доказательства;
- 6) протоколы следственных и судебных действий;
- 7) иные документы².

Данные сведения могут быть зафиксированы на любом материальном носителе как человеком (являться продуктом (отражением) мысленной деятельности конкретного лица), так и автоматом (без участия человека по установленному алгоритму), т. е. быть результатом (отражением) работы программы для электронных вычислительных машин [3].

Исходя из прочтения норм действующего УПК РФ, можно сделать неутешительный вывод

о том, что российский законодатель «не замечает» того факта, что мир уже давно находится в «цифровой» эпохе и практически вся человеческая деятельность, а за ней и преступность, переместились в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. В УПК РФ нет упоминаний о том, что доказательства могут быть в электронной форме. Крайне скупо описаны электронные носители информации, и то только в части их изъятия (ст. 164.1 УПК РФ «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий»). Способы закрепления доказательств при производстве следственных действий с использованием современных технологий пока касаются допросов, очных ставок и опознаний (ст. 189.1 УПК РФ «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи»), а не всей совокупности следственных действий. Кроме того, считаем, что данная норма крайне «сырая» и непроработанная, что вызовет больше вопросов к порядку производства процессуальных действий, чем даст разъяснений.

Уголовно-процессуальное законодательство не насыщено цифровыми доказательствами, такими как: технологии искусственного интеллекта, получение информации о географических координатах места нахождения (геолокации абонента, транспортного средства и (или) абонентского устройства), цифровое компьютерное моделирование, о необходимости внедрения которых справедливо указывает Х. Х. Рамалданов [8].

Результат исследования и выводы

Таким образом, по итогу анализа эволюции доказательств и доказывания на всём историческом процессе, можно чётко выделить периоды накопления противоречий в сложившейся системе общественных отношений, естественного ответа на это со стороны государственного аппарата, накопления практического опыта и его реализации в виде некоего государственного акта, как закрепления «статус-кво» на определённом историческом промежутке. Диссертантом выше описаны те периоды, которые, по его мнению, повлияли на развитие отечественного уголовного судопроизводства и предлагается его следующая периодизация:

1. Догосударственный период накопления противоречий в общественных отношениях, складывание княжеской власти и феодальных отношений.
2. Период действия Русской Правды.
3. Период накопления противоречий в общественных отношениях Древнерусского государства в связи с его централизацией.
4. Судебник Ивана III 1497 года как первая редакция акта, обозначившего тенденцию к самодержавному правлению и закреплению феодальных отношений.

¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34470/ (дата обращения: 08.03.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/a54a97fddfd6150a29ca723fd38b06e91279a06/ (дата обращения: 08.03.2023).

5. Реакция на действия Ивана III и последующих правителей со стороны аристократии, стремившейся к независимости, и усиление феодального гнёта.

6. Судебник Ивана IV 1550 года как вторая редакция акта, закрепившего тенденцию к самодержавному правлению и закреплению феодальных отношений.

7. Ликвидация независимости княжеско-боярской верхушки на местах, переход к практически абсолютной монархии и закреплению зависимого населения.

8. Соборное Уложение Алексея Михайловича 1649 года как третья редакция акта, закрепившего самодержавный строй и закреплению крестьян.

9. Период реформ Петра I и последовавшей эпохи «Дворцовых переворотов», не приведших к последовательному закреплению кардинально изменившихся общественных отношений и приведших к накоплению противоречий в уголовно-процессуальном законодательстве.

10. Свод законов Российской Империи 1832 года как запоздалый феодальный ответ на сложившиеся в обществе капиталистические отношения.

11. «Судебные уставы» Александра II 1864 года как либеральная реформа и попытка введения

буржуазного судопроизводства в абсолютистском монархическом государстве.

12. Рост противоречий между капиталистическими отношениями, сложившимися в государстве, и феодальной надстройкой в правящем классе, выразившихся в Февральской буржуазной, а впоследствии и в Октябрьской социалистической революциях 1917 года.

13. Издание УПК РСФСР 1923 года как попытка компромисса между социалистическими и капиталистическими отношениями.

14. Усиление репрессий и внесение в 1937 году изменений в УПК РСФСР, ужесточивших процессуальное законодательство.

15. Принятие УПК РСФСР 1960 года как «оттепель» в уголовном судопроизводстве.

16. Слом государственного устройства РСФСР, официальное закреплению капиталистических отношений как во всех отраслях права, так и в уголовно-процессуальном праве, оформленный в виде уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 года.

Предложенное автором деление охватывает период становления и развития процесса доказывания и доказательств со времён возникновения ростков отечественного права по сегодняшний день.

Список источников

1. Амплеева Т. Ю. История российского уголовного судопроизводства : сборник лекций. Москва : Юридический институт МИИТА, 2001. 84 с.
2. Безруков В., Винберг А., Майоров М., Тодоров Р. Новое в криминалистике // Социалистическая законность. 1965. № 10. С. 74–75.
3. Вехов В. Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 46–50. EDN: XXXCNP.
4. Зайцев Н. И. Эволюция доказательств и доказывания в отечественном уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 8. С. 235–240. EDN: NSUWYO.
5. Кони А. Ф. Введение к «Систематическому комментарию к Уставу уголовного судопроизводства» / под ред. проф. Гернета, Москва : Тип. Правит. Сената, 1915. 302 с.
6. Мазюк Р. В. Лекции по истории уголовного процесса России / науч. ред. И. В. Смолькова ; отв. ред. Р. В. Мазюк. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. 404 с.
7. Панюшкина В. А. Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / под ред. В. А. Панюшкина. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. 744 с.
8. Рамалданов Х. Х. Влияние информационных технологий на процесс доказывания в уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 7. С. 273–279. EDN: QOVBVI.
9. Рамалданов Х. Х. Электронное уголовное дело: миф или реальность? // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 93–98. EDN: EHTKOS.
10. Рассказов Л. П., Петручак Л. А., Упоров И. В. История уголовного процесса в России : учебное пособие. Краснодар : Краснодарский юридический институт МВД России, 2001. 104 с.
11. Строгович М. С. О криминалистической одорологии // Вопросы борьбы с преступностью. Иркутск, 1970. С. 119–139.
12. Чельцов-Бебутов М. А. Курс советского уголовно-процессуального права : Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. Москва, 1957. 839 с.
13. Шиканов В. И., Копьева А. Н., Абраменкова В. С. Вопросы идентификации объектов по запаху при расследовании преступлений // Сибирские юридические записки. Иркутск ; Омск, 1973. Вып. 3. С. 105–122.
14. Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград, 1976. 113 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 29.01.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 03.02.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 28.02.2024.
